

Новый традиционализм, сложившийся в XX столетии, шёл по пути преодоления устаревших коммуникативных навыков, авторитаристских стереотипов минувших эпох, но параллельно с этим искал формы продуктивного освоения глубинных философско-аксиологических потенций традициональности.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература / С. С. Аверинцев // Поэтика древнегреческой литературы. – М., 1981. – 368 с.
2. Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев и др. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 240 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 423 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2004. – Т. 2. – 512 с.
5. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 345 с.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев. – М., 1930. – Т. 1. – 456 с.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л., 1972. – 272 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М., 1970. – 385 с.
9. Михайлов А. В. Методы и стили литературы / А. В. Михайлов. – М., 2008. – 176 с.
10. Михайлов А. В. Поэтика барокко / А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – 75 с.
11. Тюпа В. И. Дискурсные формации / В. И. Тюпа. – М., 2010. – 320 с.

References

1. Averintsev S. S. Drevnegrecheskaya poetika i mirovaya literatura (v kn.: Poetika drevnegrecheskoi literatury. M., 1981. 368 p.
2. Averintsev S. S. et al. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 240 p.
3. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M., 1979. 423 p.
4. Broiqtman S.N. Istoricheskaya poetika // Teoriya literatury : in 2 vol. / ed. N.D. Tamarchenko. M., 2004. Vol. 2. 512 p.
5. Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 345 p.
6. Losev A. F. Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii. T. 1. M., 1930. 456 p.
7. Lotman Yu. M. Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha. L., 1972 272 p.
8. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M., 1970. 385 p.
9. Mikhaiylov A. V. Metody i stili literatury. M., 2008. 176 p.
10. Mikhaiylov A. V. Poetika barokko // Istoricheskaya poetika. Literaturnyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. 75 p.
11. Tyupa V. I. Diskursnyye formatsii. M., 2010. 320 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-146-150

КОНТРАСТИВЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. ХОЧУЕВА)

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Теплеева Ханнфа Мустафаевна, аспирант, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 360002, Россия, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2.

Статья посвящена одному из устойчивых параметров эстетического мышления карачаево-балкарского народа – стремлению к абсолютному статуированию описываемого в художественных текстах. На примере творчества С. Хочueva рассмотрен процесс аксиологической идентификации героев карачаево-балкарской прозы на начальном

этапе её развития и сделан вывод об исключительно стабильном характере модальных дефиниций национальных писателей. Подобное положение объясняется характером преемственности: стандарты эпического позиционирования героев солярного и хтонического происхождения в фольклоре оставались востребованы на начальных стадиях развития национальной литературы, развивавшейся в этот период за счёт осмысления проблем классово-идеологического толка и нуждавшейся в системах чёткого различения и идентификации героев.

Ключевые слова: карачаево-балкарская проза, С. Хочуев, контрастивы, оппозиционная дихотомия, фольклор, идеологизация

CONTRAST AS A FEATURE OF THE KARACHAY-BALKAR PROSE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF S. KHOCHUEV)

Uzdenova Fatima T., Candidat of Philology, The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin st.

Teppeeva Hannfa M., postgraduate student, Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 360002, Russia, Nalchik, 2 Balkarov st.

The article is devoted to one of the stable parameters of the aesthetic thinking of the Karachai-Balkarian people - the desire for absolute statues of what is described in literary texts. Using the example of S. Khochuev's creativity, the process of axiological identification of the heroes of Karachai-Balkarian prose at the initial stage of its development is considered and a conclusion is drawn about the extremely stable nature of the modal definitions of national writers. This situation is explained by the obvious continuity: the standards of epic positioning of heroes of solar and chthonic origin in folklore remained in demand at the initial stages of the development of national literature, which developed during this period due to the understanding of problems of a class-ideological nature and needed systems of clear distinction and identification of heroes.

Keywords: Karachai-Balkarian prose, S. Khochuev, contrastive, oppositional dichotomy, folklore, ideologization

Карачаево-балкарская литература – одна из немногочисленных новописьменных литератур, восходивших не просто к национальному фольклору, – а к фольклору в его развитых архаичных формах. Это касается многочисленных сохранившихся в народной памяти магических текстов, бытовавших в ритуалах и производственных практиках, развитого сказочного наследия, внушительного по объёму комплекса исторических, историко-героических и фамильных песен. Но главная отличительная черта опыта словесного творчества карачаево-балкарского народа – генетическая связь с эпосом, с этнической версией свода «Нарты».

Эпос характеризуется очевидными контрастными оценками позитивных и негативных героев. Все множество активных субъектов действия нартского эпоса делится на солярных людей – нартов и всех остальных существ – имеющих, помимо всего прочего, хтоническое происхождение. Подобно тому как противопоставление антропоморфных и негуманоидных персонажей прослеживается на всем протяжении эпической истории, в балкарской прозе безусловная оппозиция героев на шкале положительности-отрицательности наблюдается в ряду героев, начиная с первых, утилитарных произведений безальтернативного классового конфликта вплоть до исключительно развитых в эволюционном плане произведений 80–90-х годов прошлого столетия.

Ситуация с первичными формами прозаического повествования, выполнявшими не столько эстетические функции, сколько роль политико-идеологического ордера, вполне понятна и прозрачна, и анализ произведений первых карачаево-балкарских авторов в этом вопросе не оставляет.

Особенно показательно творчество Салиха Хочуева (1910–1942) [6], одного из основателей жанра художественной прозы в балкарской литературе. С. Хочуев – современник революции. Общая для всех художников рассматриваемого периода установка явилась основополагающей для определения ценностных и эстетических ориентиров искусства, искусства жесткой идеологической заданности [7]. В этом смысле эстетика классового характера, ориентированная исключительно на актуальную политическую целесообразность, удивительным образом совпала с аксиологическими механизмами фольклорного, точнее эпического происхождения.

Все творчество писателя замкнуто в границах единой художественно-идеологической линии безусловной поддержки и восхваления коммунистической партии [3, с. 384]. Это было свойственно практически всем авторам периода 20–30-х годов XX в. «Прямолинейное бичевание старого и слепое утверждение нового – основной мотив произведений северокавказских авторов этой поры. Категоричность в определении порядка добра и зла, презрения к классу имущих и сострадания к другим вели к упрощению форм сюжетной организации, схематизму в средствах портретной и социальной характеристик» [5, с. 10]. Тем не менее вклад С. Хочуева в национальную литературу несомненен – его образы реалистичны, точно передают характер и духовные ценности социально активной личности 20–30-х годов прошлого столетия.

В рассказе С. Хочуева «Атасыны жашы» («Сын, достойный своего отца») повествуется о гражданской революции через восприятие мальчика Таусо. Небольшой по объему рассказ полностью лежит в координатах фольклорных оценочных систем. Автор делит описываемое на две локации – князей и подданных, богатых и бедных, и система контрастной модальности определяет буквально все – все формально-содержательные компоненты текста. Даже экстраполяции на иные составляющие нарратива совершенно монохромны. К слову, в авторской интерпретации жизнь Таусо сложилась счастливо благодаря таким борцам за свободу, как его отец, а мальчик лишь стремится осмыслить происходящее.

Или напротив – однозначность авторского подхода может проявиться в своем негативном варианте, когда вся судьба персонажа представляется нагромождением бесконечных неудач и унижений, и лишь вмешательство новой власти меняет его жизнь. Так, герой рассказа «Сафар и революция» – мальчик-пастушок, оказавшийся в самом центре событий, связанных с революцией и Гражданской войной. Автор пытается держаться в рамках реалистического описания, представляя читателю социальные и нравственные конфликты в качестве каузальной основы происходящих событий. Однако идеологически обусловленное стремление к политическому кларизму неизбежно приводит писателя к гипертрофизации картин, призванных служить разъяснению преимуществ нового строя. Главный герой на себе испытал тяготы и невзгоды дореволюционной жизни. Он сам проходит путь «От тьмы к свету» в местах сражений, в тюрьме, в плену, в партизанской группе. Видимо, автор ощущал, что в свете требований времени его образ идеально подходил для создания нового национального героя. Такой герой, как Сафар, с абсолютно нераскрытой духовностью, был близок ожиданиям и идеалам партийного плана именно в 30-х годах – времени физического уничтожения альтернативных большевистской систем морали и этики.

Советская власть стала своего рода спасением для мальчика-сироты: если бы не социальные изменения, он также, как и его отец, рано ушедший из жизни, продолжал бы работать на богача Хасана. «Сафар в изношенном тулупе, твой отец вырос на моем хлебе, кажется, и ты такой же никчемный, как он. Как бы то ни было, ступай на кошару, там у тебя будет все необходимое. Давай! Ступай! Если я буду тебя кормить, поить, то смотреть за моими телятами – живот что ли у тебя разболится? (в смысле – затруднительно ли?) – сказал Хасан растерянному Сафару, отправляя его на свою кошару» (Подстр. пер.) [4, с. 213].

Нагнетание эмоциональных деталей, элементы сентиментального описания, абсолютное подчинение событийной канвы идее – все это в полной мере характеризует рассказ «Сафар и революция». Автор фактически пренебрегает принципами художественной достоверности, жертвуя ими во имя демонстративной убедительности классовых концептов. Сам сюжет рассказа, кстати, не всегда последовательный и непрерывный, весьма упрощен, предсказуем, но тем не менее это не мешает отчетливо увидеть траекторию реализации главной задачи автора – создание образа положительного героя. В начале повествования образ Сафара представлен в эмотивно предопределенных тонах, рассчитанных на сопереживание читателя: сирота, оказавшийся на улице, в одном старом тулупчике из овчины, которого подкармливают соседи корочкой хлеба; он греется зимой, прижавшись к телятам в хлеву. Но дальше мы наблюдаем его духовный рост: несмотря на юность, он борется за свободу и справедливость вместе со своими единомышленниками, такими как Мусос, помогает жителям аула, впоследствии возглавляет небольшую группу большевиков. В итоге Сафар – сильный духом молодой человек, которому веру в светлое будущее подарила Октябрьская революция.

Тема пути от «тьмы к свету» продолжена и в рассказе «Бу эки кьабыр кимнидиле?» («Чьи эти две могилы?»). Рассказ вошел в сборник «Хапарла» («Рассказы»). Осознавая просветительскую роль литературы – быть может, благодаря новому курсу

партии на «коренизацию» и просветительскую деятельность во всех направлениях – от программы ликвидации безграмотности до коренной реорганизации академической науки, имевших место в 30-х годах прошлого века, С. Хочуев обращается в своих текстах и к этническому контенту. Балансируя на грани полного осуждения традиционного адатного поведения горцев и такого же малоизбирательного их восхваления, он описывает адатные кодексы, ритуалистику, традиционную морально-этическую мотивацию поведения. Пожалуй, это единственный сектор его повествования, не обозначенный категоричным и однозначным подходом, – прежде всего потому, что полностью находясь в контексте эпических систем стратификации окружающего, писатель не мог категорично осуждать нормы и стандарты обычного права, генетически и функционально восходящие к эпическим же системам нравственности, к императивам, формировавшим его (горца) этико-эстетические представления.

Поэтому рассказ «Чи эти две могилы?» в соответствии с активными политическими трендами данного периода оказался исключительно насыщенным этнографическими эпизодами. Автор акцентирует внимание на народных традициях и целенаправленно «демонстрирует» некоторые народные обычаи, проявив себя реальным их исследователем и фиксатором. Показателен отрывок-описание, когда в лесу путники подходят к двум огороженным могилам. Их надгробные плиты были высечены из речных камней, справа был камень мужчины, а слева – женщины. Понятно, что были учтены стандарты традиционного этического кодекса горцев. Автором использован и достаточно сложный композиционный прием – рассказ в рассказе, ведение двух и более сюжетных линий, приводящее к формированию – пусть в зачаточной форме – альтернативных хронологических локаций.

В рассказе подробно описывается традиционная балкарская свадьба («той» Зайнаф и Касбота); особо демонстративны моменты, которые в современном мире, как правило, уже не соблюдаются: например, когда гости на свадьбе усаживались за столы согласно фамильной принадлежности. Да и увидеть «гяпчи» (глашатая) вряд ли представится возможным. Также описан целый ряд народных игр: карабанье по канату за подарком, ломание веника, поощрение сильнейшего. Упомянуты и о бытующей чаше изобилия «гоппан аякъ», традиционно передающейся после озвученного благопожелания по кругу присутствующим. Отмечены и национальный танец «Абезек», и старинные песни, обряд гадания «по лопатке жертвенного барана». Понятно, что это как раз тот случай, когда структурно в тексте «большое место занимают бытовые, этнографические детали, несущие идейно-художественную функцию в передаче колорита национальной жизни в ее специфических проявлениях» [1, с. 189].

В рассказе описаны и жестокие обычаи, еще известные из фольклора. Так, героиню рассказа Зайнаф, сбежавшую с любимым от ненавистного старого жениха, общественность посчитала блудницей и привлекла к суровому унижительному наказанию: ее прокатили верхом на осле по всей округе, при этом каждый житель аула мог выказать свое отношение (как правило, – негативное), бросить в нее камень.

Следует отметить, что С. Хочуев отличался глубоким знанием народных обычаев и традиций, в текстах часто употребительны устойчивые словосочетания, гап-паксы, паремии, «в которых отражены духовные ценности народа, его нравственные нормы» [2]. Главное же – рассказы молодого балкарского прозаика, созданные в границах социалистических доктрин, базировались на апперцептивных принципах эпического сознания. Поэтому они в основном оказались созвучны эстетическим требованиям новой страны, были благосклонно приняты руководящими структурами государства. Эта эпическая традиция определила как изначальные формы оценок, эмоциональных реакций, концептуального восприятия и интерпретаций карачаево-балкарской прозы, так и последующее развитие ее на многие десятилетия вперед.

Направление развития советской карачаево-балкарской прозы могло бы, возможно, измениться в сторону антиномизации смыслов, однако уже первое десятилетие ее эволюции было радикально изменено социальными факторами. Милитаризация страны вкупе с несколькими военными конфликтами и воследовавшая за ними Великая Отечественная война вновь актуализировали эпические принципы статуйирования художественного образа, заставив писателей вернуться в координаты фольклорных механизмов типизации по принципу оппозиционной дихотомии.

Это было заметно в текстах непосредственных участников военных действий и неизбежно перешло на произведения, созданные уже после окончания Великой Отечественной войны. Главное же – реальность вынудила художников надолго отказаться от нюансов и полутонов в изображении героев, от амбивалентности в описаниях конфликтных ситуаций. Контрастивы сохраняют своё довлеющее присутствие

вплоть до 70-х годов прошлого столетия в качестве одного из значимых атрибутов этничности художественного текста.

Список литературы

1. Базиева Г. Д. Мифологизм и фольклоризм в художественной культуре Кабардино-Балкарии / Г. Д. Базиева // Вестник Тамбовского госуниверситета. – 2009. – Вып. 8 (76). – С. 188–192.
2. Сарбашева А. М. Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы) / А. М. Сарбашева. – Нальчик, 2019. – 172 с.
3. Теппеев А. М. Хочуев Салих Шабазович / А. М. Теппеев // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.). – Нальчик, 2003. – С. 382–384.
4. Теппеев А. М. Балкарская литература. На балк. яз. / А. М. Теппеев. – Нальчик : Эльбрус, 1995. – 246 с.
5. Узденова Ф. Т. Жанр поэмы в литературах тюркских народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. Т. Узденова. – Нальчик : КБГУ, 1999. – 22 с.
6. Хочуев С. Ш. Рассказы, статьи, очерки, эссе, стихи. На балк. яз. / С. Ш. Хочуев. – Нальчик : Эльбрус, 1986. – С. 17–128.
7. Хульчаева М. Х. История балкарской литературы (XIX–XX века). На кар.-балк. яз. / М. Х. Хульчаева, Ф. Т. Узденова. – Нальчик, 2019. – 106 с.

References

1. Baziyeva G. D. Mifologizm i fol'klorizm v khudozhestvennoy kul'ture Kabardino-Balkarii // Vestnik Tambovskogo gosuniversiteta, 2009, iss. 8 (76), pp. 188–192.
2. Sarbasheva A. M. Transformatsiya fol'klornykh traditsiy v balkarskoy literature (na materiale prozy). Nal'chik, 2019. 172 p.
3. Teppeyev A. M. Khochuyev Salikh Shabazovich // Pisateli Kabardino-Balkarii (XIX – konets 80-kh gg. XX v.). Nal'chik, 2003, pp. 382–384.
4. Teppeyev A.M. Balkarskaya literatura. Na balk. yaz. Nal'chik : El'brus, 1995. 246 p.
5. Uzdenova F.T. Zhanr poemyy v literaturakh tyurkskikh narodov Severnogo Kavkaza. Nal'chik: KBGU, 1999. 22 p.
6. Khochuyev S.SH. Rasskazy, stat'i, ocherki, esse, stikhi. Na balk. yaz. Nal'chik : El'brus, 1986, pp. 17–128.
7. Khul'chayeva M. Kh., Uzdenova F. T. Istoriya balkarskoy literatury (XIX–XX veka). Na kar.-balk. yaz. Nal'chik, 2019. 106 p.

doi 10.21672/1818-4936-2021-79-3-150-152

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П. ЧЕХОВА «ПУСТОЙ СЛУЧАЙ»

Чалый Виктор Валентинович, кандидат филологических наук, доцент, Кубанский госуниверситет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, v_chaly@mail.ru

В данной работе рассматривается лексико-семантическая парадигма прозаического текста, анализируются синтаксические конструкции со сравнительно-структурным компонентом.

Ключевые слова: лексическая единица, речевой портрет, оценочная реплика

FUNCTIONAL AND SEMANTIC RELEVANCE OF COMPARISON IN A.P. CHEKHOV'S «AN EMPTY INCIDENT»

Chaly Victor V., Candidate of Philology, Associate Professor, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, 149 Stavropolskaya st., v_chaly@mail.ru

This paper investigates lexical and semantic paradigm of the prose text, analyzes the syntactical constructions containing structural component with comparative meaning.

Keywords: lexical unit, speech portrait, utterance with evaluative meaning

Язык произведений Антона Павловича Чехова отличается разнообразием использования писателем не только специфически точной оценочной лексики, но и стилистически оправданных художественно-образительных речевых средств,